

Сафар Хабдиев

ВЫСОКИЕ ГОСТИ

Рассказ

— Бог да наделит своими благами всех соседей, знакомых и родственников, всех, кто пришел сегодня в дом Багучаевых разделить их радость!

— Оммен!

Рамазан приподнял чашу пива и повернулся к Мухару:

— Подойди ко мне ближе, дорогой.

Тот смущенно стал рядом с ним.

— Мухара никому не надо представлять, вы его лучше меня знаете. Когда я уходил на войну, то оставил его мальчонкой в коротких штанишках, а по возвращении с фронта застал его на тракторе, на котором он до сих пор трудится. Так пожелаем ему успехов, и дай Бог, чтобы он еще на протяжении многих лет мог благополучно управлять своей машиной.

— Оммен!

— Мухар — землелашец, истинный труженик; государство по достоинству оценивает его труд, наградами он не обделен, а теперь вот присвоили ему высокое звание Героя, и мне хочется пожелать, чтобы среди его родни и во всей Зильге росло количество героев, чтобы нам никогда не пришлось искать их на стороне!

— Оммен!

— Мухар прославил не только себя...

— Если уж говорить о Мухаре, то надо упомянуть и дважды героя, — подсказал тамаде Бадас.

Рамазан запнулся, лицо его нахмурилось; он и не заметил, каким образом этот верзила оказался возле Мухара.

По застолью пронесся недовольный гул.

— Бадас, дорогой, даже если старший заговаривается, его не принято перебивать, а тем более — тамаду. Дай мне произнести тост до конца, и я всех упомяну, дойдем и до Исса, и до всех тех, кого следует вспомнить. Даже тебя не забудем.

Изрытое оспой темное лицо Бадаса еле заметно тронулось румянцем.

— Рамазан, ты меня неправильно понял. Я о Зарете говорю: если бы не она, то и Мухару не видать бы золотой звездочки — это одно. А то, что столько лет смогла прожить с Мухаром и не сбежала от него, за это она — дважды герой!

Со всех сторон слышались упреки:

— Замолчи! Дай тамаде произнести тост до конца!

— Надо же уродиться таким недоумком!

Мухар и сам злится на закадычного друга. Будь они где-нибудь на улице или на работе, он такое бы ему натолкал, что тот остался бы с разинутым ртом. А тут — не драку же

затевать с ним в своем доме среди такого множества народу. Он лишь так пихнул локтем Бадаса, что тот невольно охнул и поперхнулся на полуслове.

Зарета управилась со своими утренними хлопотами: подоила корову и погнала ее на пастбище, теленка выпустила на улицу. Надо бы и хлев прибрать, но она махнула рукой: не все же работы мне одной выполнять; когда встанет сын, пусть займется хлевом. А то взвалишь все на свои плечи, и мальчик наверняка вырастет лодырем.

Ну, что еще? Придется птице самой задать корм, а то сын — щедрая душа — высыпет его в таком количестве, что голуби, сороки и воробьи со всей округи будут до вечера собираться над остатками. Сейчас не зима, корм не из-под снега приходится добывать, пусть себе ковыряются в траве и отбросах, как и предопределено им природой.

Шумную ораву кур, индеек и уток она оставила в скотном дворе. Густо замешанную с нарезанными листьями крапивы и лопуха кукурузную муку она им высыпала более чем достаточно; попозже, когда управятся с кормом, сын выпустит их на улицу — пусть там пасутся.

Когда Зарета закончила неотложные дела, солнце взошло уже достаточно высоко. Хорошо бы и асфальтированный двор для прохлады полить из шланга, но под палящими лучами летнего солнца влага тут же испарится. Самое большое удовольствие для Мухара — в знойную пору после работы войти в прохладный свежесполитый двор. Он и ужин просит ставить на сколоченный под яблоней стол. И хотя ужинать ему приходится уже в темноте, он не позволяет включать свет — мошкара да разного рода жучки и бабочки начинают кружиться над столом, и от этого у него пропадает весь аппетит. Зарета подкатила легкую дощатую тележку к двери кладовки. Кладовка сооружена так, что солнечные лучи совсем ее не достают, и в любую жару здесь бывает прохладно. Когда в знойный полдень ополоснешься под душем, изготовленным из вместительного камазовского бензобака, то приляг на деревянную тахту в углу кушетки, и усталость снимет как рукой, в считанные минуты провалишься в глубокий сон.

Две приземистые камышовые корзины с широкими днищами, рассчитанные для транспортировки клубники, Зарета уместила рядышком в тележку. В корзину в два слоя — не более! — осторожно уложила снятые с вечера и на ночь оставленные в прохладе кладовки яблоки, накрыла их чистой марлей.

Женщина выкатила тележку на улицу и через несколько минут дошла до автотрассы, проходящей вдоль окраины села. Прежде чем перейти трассу, она посмотрела влево, вправо — машины здесь несутся на бешеной скорости. Удивительно, но за многие годы здесь не было сколько-нибудь серьезных аварий. Лишь после того, как у выезда из села густо насажали какие-то диковинные пирамидальные деревья — Зарета не знает даже их названия, — похожие на обычную метлу, с прямо тянувшимися кверху ветками, с которых круглый год не опадает то ли хвоя, то ли листва — с тех пор здесь участились дорожно-транспортные происшествия. Возле памятника Энверу Ахсарову трассу пересекает дорога из Зильги в Новый Батако и дальше, в маисовый и мельничный комбинаты. По этой дороге тоже довольно оживленное движение: водитель, едущий из Беслана в сторону Кабарды, за метлоподобными деревьями не видит выезжающей из села машины, а выезжающему из села не видно транспорта, мчащегося по трассе — вот и произошли катастрофы с человеческими жертвами.

Обычно Зарета ставит тележку в тени навеса автобусной остановки по ту сторону трассы.

Какой-то странный сегодня день: трасса непривычно пустынна, не видно обгоняющих

друг друга машин. Зарета спокойно перешла дорогу со своей тележкой и остановилась подле навеса. Одну из двух бортов-дощечек положила поперек тележки — полка готова, а вторую положила на низкую трехножную табуретку так, чтобы кузов стоял горизонтально и заодно можно было присесть на нее. Отодвинула край марли и достала три яблока величиной с голову младенца, протерла их подолом чистого фартука и положила на полку: на обочине дороги рядышком засветились три восково-розоватых шара.

Зарета присела на табурет в тени навеса и ждет первого покупателя.

А машин все нет, лишь со стороны Беслана по трассе промчался мотоцикл с коляской, за ним — второй, за мотоциклами — милицейская «Волга» с включенным сиренево-желтым маяком на крыше, похожим на перевернутую вверх дном литровую банку. «Волга» пронеслась по трассе, а мотоциклы вернулись обратно — видимо, те самые, а может, другие: один стал поперек дороги, выходящей из Зильги, другой — посреди дороги, ведущей из Батако. В мотоциклах сидели по три милиционера: один — водитель, другой — на заднем сиденье, третий в коляске. Мотоциклисты прыгнули и принялись разминаться.

Вдруг, будто увидев живого осетра, бьющегося об асфальт, милиционеры, как по команде, уставились на яблоки Зареты. словно желая убедиться, что это не обман зрения, они стали приближаться к тележке, но в это время со стороны Батако донесся шум автомобиля, и двое повернули туда. А тем временем и со стороны зильгинской дороги донесся шум приближающейся машины; автомобиль еще не показался из-за поворота, но уже дает знать о себе гулким грохотом пустых металлических бочек в кузове. Двое встали перед грузовиком и остановили его. Ни бочковоза, ни батакоевского не выпускают на трассу.

Пока водители препирались с теми двоими, молоденький лейтенант остановился возле Зареты. Ноздри его уловили слабый запах дыни. Не спрашивая у женщины разрешения, он приподнял сначала один, затем другой край марли. Дыни под марлей не оказалось, но бахчевый запах донесся сильнее.

— Что это?

— Слепой, что ли — яблоки.

Хотел еще спросить, почему они пахнут дыней, но решив, что это ему показалось, раздумал; к тому же нелюбезный ответ женщины несколько озадачил его. Он пригляделся внимательней. Да, яблоки. Первый раз видит такие крупные. Интересно, откуда она их привезла? Даже в Грузии и Азербайджане вряд ли они растут.

— А чего это ты их у самой дороги выставила?

— Тебя не спросила! Думаешь, покупатель сам ко мне придет домой?

— Быстренько убери их подальше от трассы.

— Это с какой такой стати?

— А вот с такой стати, что за спекуляцию мы строго наказываем.

Зарета побагровела от неслыханного оскорбления, на несколько секунд потеряла даже дар речи.

— Сын сыкуна, ты кого это обзываешь спекулянтом? Отвечай сейчас же! — подбоченившись, двинулась она на лейтенанта.

Шофера и милиционеры громко засмеялись, — к тому времени на выездах к трассе по обе стороны скопилось по несколько машин. Поняв, что дорога перекрыта неспроста — видимо, высокое начальство по ней проедет, — водители покинули душные кабины и с

любопытством столпились возле навеса.

Лейтенант покраснел до кончиков ушей и, словно получив удар по губам, не сразу нашелся что ответить, и, наконец, запоздало пригрозил:

— Я с тобой потом разберусь: кто это дал тебе право...

Он не успел договорить фразу: на трассе со стороны Беслана показались четыре легковые машины, бесшумно мчащихся на огромной скорости. В мгновение ока первый автомобиль со свистом пронесся мимо, но второй неожиданно сбавил скорость и остановился, проскочив несколько метров от навеса, за ним — и другие. Тогда и первая машина резко затормозила и задним ходом быстро приблизилась к остановившимся. И зильгинские, и батакоевские шофера не могли скрыть восхищения: вот это машина — с одинаковой скоростью идет и вперед, и назад!

Открылась задняя дверь второй машины, и на обочину ступил рослый мужчина средних лет в сером легком костюме, воротник белоснежной рубашки плотно стянут красным клетчатым галстуком; из другой двери — коренастый пожилой мужчина, по сравнению с рослым он выглядел приземистым, несколько располневшим.

Рослый пригладил ладонью свою аккуратно причесанную шевелюру и медленным шагом приблизился к Зарете и лейтенанту милиции. Вслед за ним — и приземистый.

Подошедшие поздоровались.

Рослый с нескрываемым любопытством коснулся одного из лежащих на полке яблок и бережно, словно боясь уронить хрупкий хрусталь, взял его. Он явственно почувствовал запах дыни. Понюхал еще раз и посмотрел на Зарету:

— Они с дынями лежали, что ли?

— Нет, нет, какие дыни? Это у них свой аромат такой.

— Свой аромат? — недоверчиво повторил он. — Как это так? Постой, так это не яблоко?

— Яблоко, яблоко.

Рослый хмыкнул:

— Никогда не видел, чтоб яблоко уродилось такое крупное.

Глаза Зареты радостно блеснули, сердце ее преисполнилось гордостью за столь лестную оценку ее товара. Редко кто не удивляется ее яблокам, но слова этого человека ей были особенно приятны, потому что она опознала не раз виденное на экране телевизора лицо. Не зря милиция перекрыла движение по трассе.

— С каких краев ты их привезла?

— Вон оттуда, — кивнула Зарета в сторону села. — Со своего двора.

Если сегодня ее сердце не вырвется из груди или она не взлетит в небеса, то потом такой опасности уже никогда не будет.

— Чудеса, да и только, — рослый подбросил яблоко и поймал его так, что плод тяжело шлепнулся ему на ладонь. — Весит никак не меньше килограмма.

— Нет, килограмм не набирается, самые крупные не дотягивают грамм сто, а то и больше.

— И почему килограмм?

— На вес не продаю: яблоко — рубль. Попробуйте на вкус, если не брезгуете, — Зарета полезла за ножиком в карман фартука.

Но рослый тем временем большим пальцами обеих рук ловко разломал плод на две равные доли. Обнажилась розовато-искристая мякоть, аромат дыни донесся аж до тех, кто стоял поодаль.

Половину яблока он отдал приземистому, а другую смачно надкусил сам. Приподнял

марлю, накинутую на корзины. Показались матовые, словно подернутые воском яблоки. От прикосновения на плодах остаются следы пальцев.

— А эти другого сорта?

— Нет, нет, все с одного дерева.

— Но почему они тогда такие тусклые? Или так густо запылились?

— Это не пыль, а налет. Свежесорванные всегда с матовым оттенком. Когда полежат недельку, матовость сама по себе исчезает.

Зарета достала из корзины яблоко, протерла его краешком марли, и плод обрел ярко-красный оттенок.

— Да у тебя же растут райские фрукты, а народ о них и не ведает, — рослый повернулся к приземистому.

Тот смущенно покачал головой:

— Я и сам их первый раз вижу.

— Плоды — это одно, но я бы хотел посмотреть, как они растут. Далеко живешь, сестричка?

— Вон там в двух шагах, — Зарета махнула рукой в сторону села.

— Ну, если только два шага, то можно пройти и пешком, — заключил рослый.

Зарета посмотрела на тележку: что с ней делать, покатить домой или оставить здесь?

— Оставь ее здесь, никто не тронет твои яблоки. Милиция присмотрит за ней, — рослый кивнул на лейтенанта, который все это время по стойке «смирно» стоял неподалеку от них.

Они пересекли трассу и направились в сторону села. Сзади заработали двигатели машин.

По дороге Зарета принялась рассказывать о своих торговых делах.

— Редко кто из путников проедет мимо моих яблок. Некоторые пролетают на скорости, а потом возвращаются. Одни берут больше, другие — меньше. Я и не упомяну, чтоб покупатель тут же отведал их на вкус. Кто говорит, что детям повезет, кто — соседям, родне или еще кому. Большинство, пока не убедятся, что это настоящие плоды, принимают их за елочные шары.

— А какая у них лежкость?

— Больше полугода не держатся, в начале зимы начинают мякнуть и терять в весе. Зато даже от удара не гниют: вмятина вскоре высыхает, и ее легко скovyрнуть. А употребить все же их следует до старого Нового года.

Зарета отвечает непринужденно, будто всю жизнь имела дело с высоким начальством. Да и отчего ей тушеваться, если разговор идет на равных.

Вскоре они дошли до дома, от вида которого лицо рослого потемнело. Он прикинул на глаз: кирпичный забор на уровне дома в высоту достигает если не четырех метров, то никак не меньше трех с половиной.

— Видимо, опасаясь вражеского нашествия, — недовольно заметил он. — Даже во времена Мамая не строили таких крепостей.

— Ты насчет забора? Нам и самим он не по душе, но что еще можно поделывать теперь?

Он строился одновременно с домом, и кладкой наглухо связан с ним, ни одного ряда кирпичей с него уже не снимешь. Возводился он по желанию нашего старика — царство ему небесное. И мы, и соседи, и каменщик говорили ему, что слишком высокий забор будет смотреться некрасиво, но он отвечал только одно: «Пусть каждый строится, как он хочет. А я в советах не нуждаюсь».

Зарета открыла калитку. Из-за высокого забора двор смотрится как колодец. Посреди двора одно-единственное дерево, которому, видимо, нарочно не дали вырасти в высоту, зато оно раздалось вширь, густые раскидистые ветви согнулись под тяжестью плодов. В темно-зеленой листве горят красноватые шары: на верхних ветвях они крупнее и ярче, на нижних — мельче и бледнее; кажется, что они вот-вот сорвутся от собственной тяжести.

— Без шахтерской каски страшно даже подойти под него, — шутливо заметил рослый.

— Можешь не опасаться, даже переспелыми они не опадают. Плоды высохнут на корню, но не упадут, будут держаться до самой весны.

Рослый коснулся ствола дерева; кора гладкая, словно шелк, без наростов и трещин, на серой поверхности просматриваются лишь продолговатые розовые прожилки.

— И какого оно возраста?

— Дерево? — Зарета сморщила лоб. — Точно не знаю, но около двадцати лет.

— Оптимальная пора плодоношения. Где вы его достали? — спросил приземистый; все это время он молча, словно тень, стоял возле рослого, в разговор не вмешивался и чувствовал себя неуютно. Палящие лучи солнца хоть и не достигали его под деревом, но у него почему-то вспотели подмышки.

— Точно не могу сказать. Давно когда-то наш старик поехал по дрова в Заманкульский лес и привез оттуда саженец вот этого дерева. Хорошо помню, что стояла поздняя осень, листва вся уже опала. Старик посадил саженец у выхода в огород и вокруг него сделал дощатую ограду от скота. Через два года деревце окрепло, и он пересадил его во двор. На вопрос, что это за дерево, он отвечал: «Ветка древа жизни». Над ним смеялись: «И кого же из своих покойников ты рассчитываешь воскресить?» — «Об этом пока нельзя говорить, когда оно вырастет, сами увидите». Несколько лет подряд с помощью стремянки, а то и взбираясь на дерево, он обрывал с него цветочки. Оборвет сегодня, а наутро новые бутоны распускаются. Так он и мучился с ними недели две, нельзя, говорил, ни одного цветочка оставлять, иначе все мои труды насмарку пойдут. И так каждую весну, до тех пор, пока ствол дерева не стал толщиной вон с ту опорную трубу. А люди смеялись над ним, лучше бы, говорили они, посадил у себя во дворе пару лип, и пил бы круглый год лечебный чай. У него был башлык с серебряными кисточками. Так вот нити от этих кисточек вперемешку с обрезками медной проволоки он с помощью шила вживал под кору. Царство ему небесное, в тот год, когда он оставил на нем цветки, до созревания плодов старик не дотянул — с мыслями об этом дереве он и покинул земной мир.

— И что ты на это скажешь? — рослый наконец повернулся в сторону приземистого.

— Просто замечательное дерево, — протирая широкий лоб носовым платком, ответил тот.

— Я и сам вижу, что дерево уникальное, но хочу узнать, что с ним делать?

Приземистый не знал, что ответить на неожиданный вопрос и только поднял брови: буду согласен с любым твоим предложением.

Рослый досадливо нахмурился и снова повернулся к Зарете:

— И как же вы все это время не сделали прививку на другое дерево, или не понимаете, что такому сокровищу цены нет?

— А где прививать-то его? Во дворе уже места нет, а в огороде дети живо обломают.

Да и кто после нашего старика будет ухаживать за ним? — пожала Зарета плечами. — Ничего кроме неприятностей не принесет нам прививка.

— Ну тогда кому-нибудь из соседей или односельчан дайте веточки для прививки, а когда яблоки появятся у других, то и в ваш сад дети перестанут лезть.

Это была соль на рану Зареты и она, забыв о том, кто рядом с ней, принялась браниться:

— Лопнуть бы им всем от этих яблок! В пору съема плодов то одна, то другая постучится в калитку: «Собралась в больницу проведать больного, и хочу немного яблок у тебя попросить». Я каждому из них говорю, чтобы взяли ветку и сделали прививку. «Да, да, как только наступит весна, я обязательно скажу нашему мужику». А весной ни один из просителей даже близко к нам не подходит. Да и грешно жаловаться на людей, потому что привыкли всю жизнь в огороде сажать только картошку, кукурузу, тыкву да еще фасоль, и ни одна душа не додумается воткнуть в землю хоть какой-то фруктовый саженец. И будь они все прокляты, если во всей Зильге никто не способен сделать прививку!

— Только без проклятий, только без проклятий, — словно отрекшаяся, рослый замахал руками на Зарету. — От них никакой пользы. Надо придумать что-нибудь получше. А вдруг ни с того ни с сего высохнет, тогда же пропадет замечательный сорт.

— Если даже пропадет, что я могу поделаться? Пережили смерть того, кто его посадил и выходил, вытерпим и потерю дерева.

— Вот это ответ настоящей осетинки! — воскликнул приземистый.

— А как же иначе? — повернулась к нему Зарета. — Думаете, когда я становлюсь торговать у трассы, то вся надежда бывает на мою выручку? Хотя лишний рубль в хозяйстве тоже не мешает, но видели бы вы, как путники радуются этим яблокам, особенно дети.

Рослый с улыбкой смотрит на нее, но Зарете кажется, что ее слов он не слышит. Он и в самом деле смотрел на Зарету, а обратился к приземистому:

— Знаю, что ты занят более важными делами, вот только.... В общем, понимаешь, что я хочу сказать. Через год, если у меня самого не будет возможности приехать сюда, то ты мне сообщишь точное количество саженцев, которые принялись в частных садах и в общественных хозяйствах. — Он посмотрел на часы, словно подсчитывая в уме, сколько минут осталось до будущего лета. — Хозяйка, напои нас, пожалуйста, холодной водой, и мы тронемся в путь, а то остановка получается слишком долгой.

— О Боже! — спохватившись, Зарета хлопнула себя по коленям. — Застряли мы посреди двора, а о том, что гостей положено пригласить в дом, я и не догадалась. Пройдем в зал, вы посидите в прохладе, и через полчаса если не индейка, то курица и пироги будут готовы.

Рослый громко рассмеялся над словами Зареты — он представил себе, как из напряженного рабочего графика, рассчитанного по минутам, он урвет полчаса и в ожидании, пока сварится курица, будет сидеть в прохладной комнате.

— Чего смеешься? Если не за полчаса, то за сорок минут уж точно, — Зарета немного растянула срок.

— Спасибо, большое спасибо, отложим до следующего раза. Моя бабушка отличалась скупостью и все время твердила: летом несущку грех резать, а у цыпленка перо еще не окрепло. Лучше подай нам холодной водицы, и она зачтется тебе и за курочку, и за индейку.

— Тогда вместо воды ледяной квас, если не опасаетесь застудить горла. Только зайдите в дом.

— Горла у нас не такие нежные, — улыбнулся рослый и неожиданно направился к ступеням высокого порога.

Приземистый в свою очередь демонстративно посмотрел на часы, вздохнул глубоко, вслед за рослым вошел в дом. В просторном зале некоторое время ничего нельзя было разглядеть в полумраке. Рослый отодвинул шторы, и между двумя окнами на стене увидел Почетную грамоту Выставки достижений народного хозяйства в алюминиевой рамке под стеклом. Судя по дате награждения, грамота висела здесь не первый год. Он вздрогнул, когда прочитал выведенное каллиграфическим почерком: «Багучаев Мухар Мурзаевич».

Багучаев... Багучаев... В каком же году это было? Рослый тогда был секретарем одного из южных обкомов партии, не раз приезжал в Осетию. В один из приездов включил телевизор в гостиничном номере. Телевизор был настроен на местную программу. Он хорошо помнит, что дело происходило зимой. Показывали механизаторов одного из хозяйств, разговор шел о подготовке к весне. Сухощавый корреспондент в куцом пальто и шапке-ушанке продрог на морозе, и хоть ног его не было видно, но можно было догадаться, что он притоптывает на месте. «Все трактора, сеялки, бороны, культиваторы, плуги готовы к полевым работам. Три недели назад техника полностью поставлена на линейку готовности». Камера прошлась от одного конца навеса до другого, показав стоящие в ряд трактора и сеялки. В нескольких местах на агрегатах видны были подобия белых заплат. «Вы, наверное, удивляетесь, что бы означали эти заплатки? — вопрошал корреспондент. — Сейчас бригадир тракторной бригады Мухар Багучаев нам все объяснит». В кадре появился густобровый мужчина среднего возраста с глубоко посаженными глазами, в меховой шапке, телогрейке, галифе и сапогах. Видно было, что камера смущает его, и трудно собраться с мыслями, но отвечал на вопросы, старательно подбирая слова: «То, что ты называешь заплатками — это всего-навсего целлофановые пакетики. Когда подготовили механизмы, то узлы, которые следует смазать — смазали. Затем обвязали их целлофаном, чтобы от весенней сырости не поржавели». «Это трактор „С-80“?» На лице Мухара четко прочитывается: сам же видишь, чего еще спрашиваешь, и потому отвечает коротко: «Да». — «На сколько лет рассчитан его ресурс?» — «На восемь». — «А у вас сколько лет он работает?» — «Четырнадцать». — «Как ты полагаешь, сколько он еще поработает?» — «Сколько понадобится, столько и будет работать. Все зависит от ухода за ним...»

Зарета поставила на стол вместительный стеклянный кувшин с узким горлом. Пока она поднимала его из подвала, стенки сосуда запотели, Зарета наполнила высокие бокалы пенистым квасом, и гости разом осушили их.

— А это кто? — рослый кивком головы указал на Почетную грамоту.

— Наш мужик.

— И где он сейчас?

— Где ему быть — от зари и до темноты пропадает в своей колонне.

— Ты знаешь, где находится его колонна? — рослый повернулся к приземистому.

Тот подошел к стене, надел очки.

— Ну как же! Мухара вся республика знает — наш лучший механизатор, орденоседец...

— Обязательно заедем к нему.

Приземистый неопределенно покачал головой:

— Да, но сейчас...

— Подождут, — прервал его рослый. — Часом раньше, часом позже — особой разницы

нет. А тут дело важное. — И обратился к Зарете: — Налей, пожалуйста, еще по одному бокалу перед дорогой, уж больно шипуч твой квас.

Пара добрых глотков — и бокалы опять осушены до дна.

— Хозяйка, желаю этому дому изобилия и всяческих благ.

Машины ждали их у ворот. Кортёж проехал через центр села и направился к Цалыку. Машины проехали по ровному цалыкскому полю приличное расстояние. По обе стороны проселочной дороги радуют глаз кукурузные темные стены, обращенные к солнцу ярко-золотые шапки подсолнечника. Недавно убранное пшеничное поле пашут в ряд три трактора. Поодаль от тракторов, в низине, где проселочная дорога сворачивает влево, показалась небольшая роща. Поднимая густую пыль, машины быстро доехали до нее. В колонне застали только Мухара. Когда четыре легковые машины одна за другой остановились под деревьями, он вышел к ним неспешной походкой. Бригадир привык встречать здесь разных посетителей, но сейчас удивился тому, что заранее ему никто не сообщил о гостях. Вышедшие из машин люди были ему не знакомы. Он узнал только приземистого секретаря обкома партии; ни из районного, ни из колхозного руководства с ними никого не оказалось.

— А вот и сам Мухтар, — секретарь обкома подошел к нему с рослым сухопарым мужчиной.

— Добро пожаловать, гости! — Мухар поздоровался с ними за руку.

— Какая приятная здесь прохлада, — окинул взглядом рощу рослый.

— Сами посадили деревья, сами и ухаживают за ними, — секретарь обкома как бы восполнял упущение с той удивительной яблоней.

— А что делать, если большую часть жизни проводим здесь. Ребята перед обедом любят немного полежать на траве, — сказал Мухар, мучительно пытаюсь вспомнить, где он встречался с рослым мужчиной. В газете видел его фотографию или где-то встречались? По тому, как секретарь обкома ведет себя рядом с ним, было видно, что тот — большой начальник.

— Я тебя, Мухар, давно знаю, — улыбнулся рослый.

Мухар сильнее напряг память, его густые брови приподняли складки на лбу.

— А знаком я с тобой по телевизору. Я уж и не помню, в каком году это было: ты рассказывал корреспонденту о подготовке к весенним полевым работам.

«С тех пор, как в Осетии появилось телевидение, каждую зиму приходится рассказывать о подготовке к весне», — хотел заметить Мухар, но промолчал.

— Ты, видимо, хочешь спросить, не для того ли я приехал, чтобы узнать твою фамилию, — весело сказал рослый, и Мухар смущенно улыбнулся. — Я запомнил, как ты тогда говорил корреспонденту, что трактор будет работать столько, сколько потребуется. Так ведь?

— А как же!

— Тогда где же они сейчас, что-то ни одного не видно?

— Поднимают зябь у самой возвышенности, а остальные заняты другими работами.

— Все?

— Все, — уверенно ответил Мухар. — А что им здесь делать?

На бесконечных российских полях, где довелось побывать рослому, в любое время года в каждой колонне он заставлял по несколько полуразобранных тракторов, а потому он не сразу поверил ответу Мухара, хотя по его твердому взгляду видно, что тот говорит правду. Но все равно уточнил:

— Неужели ни одного разобранного трактора?

Секретарь обкома собрался что-то сказать, но Мухар опередил его:

— Есть один, но после полудня будет готов, Бадас собирает его.

Секретарю обкома стало досадно, что в колонне оказался ремонтируемый трактор.

— Но он давно уже списан, так что и разговора не стоит, — попытался он исправить положение.

На этот раз обиделся Мухар.

— А вы сами посмотрите.

— Если уж ты признался, то что еще на него смотреть?

— Нет-нет, убедитесь сами, а то назовете меня лгуном.

Видя, что Мухар обиделся, рослый направился в ту сторону, куда тот указал.

Рядом с рощей, за густым кустарником виднелся крытый шифером навес мастерских. Когда они вышли на утопанную площадку перед навесом, рослый и не поверил своим глазам: под навесом стоял «универсал». Тот самый, с изношенными задними зубчатыми колесами, преемник «Фордзона», который в незапамятные времена поднимал колхозы, надрываясь, тянул пушки по фронтовому бездорожью, а после войны неблагодарно был отправлен в бушующее горло мартеновских печей. Рослый стоял с широко раскрытыми глазами, на которых проступила предательская влага, губы его подрагивали, какой-то жгучий ком, который он, как ни старался, так и не мог проглотить, перекрыл ему дыхание.

От неожиданности оторопел и секретарь обкома.

— Вот. — Мухар указал на трактор, будто гости сами не видели его.

— И он... он до сих пор на ходу? — наконец вымолвил рослый.

— После обеда будет на ходу. Я прав, Бадас? — спросил Мухар.

— Если дела всей Осетии уперлись в эту развалину, то обязательно, — ответил утробный прокуренный бас.

Бадас узнал секретаря обкома и не изменил своей привычке хоть как-то досадить высоким чиновникам, которых поголовно считал прохлаждающимися в уютных просторных кабинетах бездельниками.

Рослый и секретарь обкома от удивления поначалу и не заметили, что с той стороны кто-то возится с трактором, и теперь уставились на него. Могучий волосатый торс в распахнутом комбинезоне, ощеренные то ли в улыбке, то ли от натуги крупные желтоватые зубы, ежиком топорщатся коротко остриженные жесткие волосы, под носом в обе стороны венками торчат лихо расправленные усы. Мужчина, чувствуется, сидит на корточках и все равно смотрит на гостей поверх трактора, — каков же будет его рост, когда он поднимется?

Судя по тому, что на «универсале» не было ни единого пятна ржавчины, нетрудно было догадаться, что не далее как вчера он еще работал.

— Как он у вас до сих пор сохранился, если даже старики его уже не помнят? Неужели за столько лет никакая запасная часть для него не понадобилась?

— Мастерские у нас хорошо оснащены станканами, так что изготовить нужную деталь трудности не представляет. Единственное, что нас беспокоит, так это цилиндры, но они пока держатся: изготовлены из такой стали, которая ныне уже не выплавляется.

— Ни за что бы не поверил, если бы не увидел собственными глазами... — покачал головой рослый.

— Небось расходы на его топливо превышают получаемые от него доходы, — заметил

секретарь обкома.

— Речь не о доходах, а об отношении людей к порученному делу. А так я тоже не собираюсь сравнивать его с «К-700».

Мухару понравились слова рослого, он и сам думает точно так же. С тех пор, как лет тридцать тому назад его назначили бригадиром, лодыри да бездельники ненадолго задерживались в колонне: сам не привык халтурить и другим этого не прощает.

— Ты меня разочаровал, — повернулся рослый к секретарю обкома. — Иметь такую бригаду и не поставить ее в пример всей Осетии. Почему Осетии — всей России! Один только этот «универсал» о многом говорит, но речь не об этом. Два срока — представляешь! — два срока работает у него трактор. Разве это не пример для подражания?

— Согласен, но и мы не сидим сложа руки. Они вот сами могут засвидетельствовать, сколько раз мы приглашали к ним механизаторов из других хозяйств перенять опыт, и на собраниях передовиков производства они всегда выступают в числе первых.

— Верю, охотно верю, но почему тогда у других работа идет не так, как в этой бригаде? О ком еще лучше рассказать в газете, по радио и телевидению? И не просто общими фразами, а повести обстоятельный разговор.

— Только методом Азazelло можно образумить их, — сердито вставил Бадас.

С самого начала его так и подмывало включиться в разговор, но не представлялось возможности, и вот теперь он не сдержался.

— Это кого же? — не понял рослый.

— Корреспондентов!

— Чем они тебе так сильно досадили?

— А всем! Только метод Азazelло может подействовать на них.

— Ты имеешь в виду заманкульского мулла, что ли? — поинтересовался Мухар.

— Ха! Заманкульский мулла... Когда отец с матерью насильно заставляли тебя ходить в школу, ты, наверное, думал, что они тебе худого желают. Вместо того, чтобы курить уворованный у отца самосад в зарослях бузины, надо было учиться, и сейчас бы ты не задавал мне наивных вопросов. Заманкульский мулла...

— Ладно, если бы ты сам учился прилежней меня, то не возился бы рядом со мной с железками.

— Это я-то не учился?! — возмущенно ударил себя в грудь пудовым кулаком Бадас. — Да я, если хочешь знать, с первого по четвертый в каждом классе по два года сидел! Все рассмеялись над столь самобытным способом освоения школьной программы, и громче всех хохотал секретарь обкома: хорошо, что Бадас отвлек от неприятного разговора.

— Это он о ком? — спросил секретарь Мухара. Насколько ему помнилось, Азazelло — один из оборотней романа Булгакова «Мастер и Маргарита». Но вряд ли этот верзила даже слышал о нем — видимо, говорит о ком-то из местных.

— Я так же, как и вы, не имею об этом никакого представления. С тех пор, как он бросил пить, увлекся книгами, и теперь кстати и некстати всех давит своей начитанностью.

— Так о каком методе ты говоришь? — взгляд рослого выражал неподдельный интерес. Тем временем Бадас закрутил последнюю гайку, поднялся, вытирая свои промасленные руки ветошью. Корпус «универсала» доходил ему только до пояса.

— О методе Азazelло. Только вместо курицы надо использовать индюка.

— И где это ты здесь в открытом поле найдешь индюка? — подзадоривает Мухар.

— В курятнике Зареты. Ключ она все время держит в кармане, и потому в курятник не проберешься. Но когда стемнеет, то стекло с окна курятника можно снять без лишнего шума.

— Это он о моей супруге, — смущенно пояснил Мухар. — Ей-богу, я крепко сомневаюсь, чтобы такой крупный человек, как ты, смог пролезть в окно — оно слишком маленькое. Вместе с окном тебе придется разбирать и половину стенки курятника.

— Ха! Ты тоже не намного умнее тех корреспондентов. Для чего забираться внутрь? Если уж бесшумно снимешь стекло, то дальше ничего сложного нет. Насест обычно делается на уровне окна. С края, поближе к свету, всегда сидит индюк-вожак. Просунь руку и сними его. Птица, которая сидит рядом с ним, займет его место. Ее тоже возьми, а там третью и так далее. Так что залезать в курятник нет никакой необходимости.

— Гости подумают, что ты всю жизнь только тем и занимался, что воровал индюков.

— Ну, ну, достал индюков, а дальше? — рослого разобрало любопытство. В памяти молниеносно мелькнули обрывки подобных же баек, в давние времена слышанные от напарников-механизаторов, великих мастеров сочинять разного рода небылицы и рассказывать их так убедительно, что усомниться в них было просто невозможно.

— Так вот. Индюк будет слишком увесист, но из индеек отбери одну, откормленную, а остальных забрось обратно в окно, а то в темноте разбредутся и могут напороться на свору бездомных собак. И не забудь оконное стекло вставить обратно, чтобы наутро Зарета не подняла тревогу.

— Индейку жалко, Зарета столько с ними возилась.

— На благородное дело ничего не жалко. Зарежь ее, очисти, как следует, и свари целиком. Провари хорошенько на малом огне, да смотри, чтоб мясо от кости не отделилось, а то она больше не сгодится. А недоваренная будет слишком твердой и опасной для жизни человека. В общем, особо учить тебя не надо: как только кожа на ножке начнет облезать, значит, птица готова. Индюшати́на в горячем виде не особенно вкусна, так что дай ей остыть, но прежде начини ее нутро мелко нарезанным чесноком вперемешку с горьким перцем так, чтобы они хорошенько впитались в мясо. Когда индейка остынет, то оторви одну ее ножку и съешь в свое удовольствие, а птицу положи в холодильник и пусть лежит, пока не появится первый же корреспондент. В холодильнике с ней ничего не станется, а за неделю из районной газеты, радио, «Растдзинада» или же из Москвы обязательно наведается корреспондент или хотя бы фотограф. Как только он появится, сразу же незаметно достань индейку. А как ты ее будешь доставать?

Мухар пожал плечами, мол, не знаю.

— Совсем уж ничего не соображаешь, дружище. За ножку — вот как. Когда корреспондент увидит у тебя в руке индейку, он решит, что ты угощением его встречаешь. Весь интерес в том, что ты с равнодушным выражением лица подойдешь к нему вплотную, чтобы он ничего не заподозрил, и с размаху внезапно огреешь его индейкой по шее так, чтобы туловище птицы отлетело далеко в сторону, а ножка осталась у тебя в руке. Спокойно съешь ее, а обглоданную кость сунь в нагрудный карман комбинезона, и пусть она торчит оттуда свидетельством исполненного долга. Хорошо проваренная индейка не представляет опасности для жизни человека; пока ты доешь ножку, корреспондент очухается, а когда полностью придет в себя, вместо пустословной трескотни ему явятся дельные мысли. Иначе разве можно писать такую чушь, что, в раннем детстве, когда Мухар гнал индюшат пастись у берега Камбилеевки,

впервые в жизни увидел, как моют в реке трактор, и тогда же он твердо решил стать механизатором. Пропади пропадом журналист, который пишет такие глупости. Я старый тракторист, и каждый раз, когда загонял машину в воду, то слышал только ругань и проклятья за то, что загрязняю реку. Как же тогда можно хвалить тех, кто моет в ней трактор? И еще одна глупость: индюки ведь страдают водобоязнью, так для чего же гнать индюшат через все село к берегам Камбилеевки? Думаете, я зря даю ему по шее отварной индейкой? — подвел итог Бадас своему повествованию.

Все от души посмеялись над его рассказом.

— Желаю вам успехов, зильгинцы, — поблагодарил рослый. — Вы не представляете, до чего хорошо стало на душе от того, что я увидел и услышал здесь. Теперь скажите, чем я могу вам помочь?

Мухар посмотрел на Бадаса, Бадас — на Мухара, жестами что-то показал ему, словно разрезая указательный палец левой руки на части, а затем взглядом дал понять: ты скажи, тебя он лучше послушает. Мухар посчитал неприличным продолжать объяснение жестами и прямо спросил:

— Сказать?

— Говори, говори.

— Только одно хорошее дело мы ждем от властей, — Мухар глубоко вздохнул и замолк.

— Продолжай, не смущайся, — подбодрил его рослый.

— Если такое возможно, сделайте один год голодным.

Рослый не поверил своим ушам.

— Что, что?

— Голодный год.

— Ты так сильно соскучился по голодному году? — рослый готов был услышать любую просьбу, но только не такую. Шутит он или с головой у него не все в порядке?

— Понимаю, что моя просьба кажется дикой, но человек, труд которого оскверняется, приходит в отчаяние. Понимаю и то, что государство делает все, чтобы прокормить народ, но попробуй насытить сытого! Природа сама все регулирует, не зря каждому время от времени устраивает голодный год. Какое поколение в течение столетия не пережило голода? Только те, которые родились после войны. И теперь, видимо, настал их черед. Тот, кто не понимает, ценой каких усилий дается хлеб, никогда не станет полноценным человеком.

— И смеяться над ними грешно, — опять не сдержался Бадас. — Матери их заботятся только о своей фигуре, и вместо того, чтобы кормить своих младенцев грудью, кормят их коровьим молоком, вот и недалеко от животных уходят их отпрыски.

— Не превращай все в шутку, — упрекнул его Мухар.

— В шутку, говоришь? А я и не собираюсь шутить! Ты забыл, как в прошлом году студенты картошку чистили? Вместо того, чтобы аккуратно снять с картофелины кожуру, они ставили ее на хлеборезную доску и несколько раз чик-чик! — опускали на нее лезвие ножа, — Бадас на широкой ладони изобразил нарезку, — и пожалуйста — шестигранник готов. А что большая часть картофеля идет в отход, до этого им дела нет. — Когда я вспоминаю подобные картины, меня злость пробирает и начинаю жалеть: для чего мы надрываемся на пашне что летом, что зимой? — Мухар сокрушенно покачал головой.

— Жалеть ни о чем не надо, — похлопал его по плечу рослый. — А вместо голодного года придумаем что-нибудь более приемлемое.

Бадас остался возле «универсала», а Мухар проводил гостей до машин. Перед тем, как опуститься на сиденье, рослый протянул ему руку:

— Вижу, звание Героя тебе до сих пор не дали лишь из-за крамольных мыслей.

Опубликовано - Владикавказ: Ир, 2002.